

[Элоиза: ссылка на оригинал](#)

Отрывок из романа "Несколько эпизодов из жизни людей и демонов" (полностью читайте на странице автора <http://www.proza.ru/avtor/hbavjgktn>)

Эпизод 0. Департамент Воздушных Мытарств

Департамент Воздушных Мытарств. Частный Суд. Отдел Чревоугодия.

«... Я собрана. Спокойна. Все действия чётки и своевременны. Я работаю. Я профессионал.

Звон хрустальных колокольчиков в воздухе: это вызов от дежурного диспетчера. Слышу голос Зараэля (сегодня его смена):

– Нат, приготовься. Новый клиент.

Я держу сферу восприятия. От моих пальцев тянутся нити, на конце каждой из которых – образ или событие. Нити невидимы, неосязаемы, и на самом деле их не существует вовсе. Это лишь аллегория, позволяющая описать, как я работаю. И в то же время для меня они сейчас более чем реальны. В них сконцентрировались все мои чувства: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус, интуиция. Сквозь них изливается вся моя сила: сила воздушного демона одиннадцатого ранга.

В сферу влетает что-то свежее, прозрачное, трепещущее. Человеческая душа. Я делаю быстрое сканирование и разворачиваю картинку, исходя из психодуховных особенностей клиента.

Безбрежный купол лазурного неба. Изумрудно-шёлковая трава. Солнца нигде не видно, но свет льётся отовсюду. Контуры чёткие. Цвета яркие. Изображение полностью объёмное.

Василий – а нового клиента зовут именно так – дико озирается. Выглядит он не очень. По материалам дела: тридцать восемь лет. На вид можно дать и все пятьдесят. Или даже больше... Тощая костлявая фигура. Из одежды – какая-то рванина. Лицо – в противовес общей худобе – отёкшее, одутловатое, с кожей нездорового, застойно-медного оттенка. На носу и щеках проступает сетка красных прожилок. Под глазами набрякшие мешки. Волосы грязны, всклокочены. На макушке запеклась чёрная корка.

Да, первое время после смерти они выглядят практически так же, как в последние мгновения жизни.

Василий видит меня. Моё лицо напоминает беломраморный лик античной статуи. Золотистые локоны рассыпаются по плечам. Бирюзовое одеяние до пят драпируется эффектными ниспадающими складками.

Василий трёт глаза. Он ещё не понял, что с ним случилось. Хотя интуитивно уже догадывается.

– Где я?

– А как ты думаешь, Вася? – мягко отвечаю я вопросом на вопрос.

– Вроде ж, зима была, – бормочет клиент.

– Была, Вася, – соглашаюсь я. – Только теперь это уже неважно.

Василий оглядывает свои руки. Кисти мелко подрагивают. Переводит взгляд на живот, ноги, ступни. Его ноги босы и имеют грязно-серый цвет. Травинки проводят по ним своими острыми кончиками, перебираемые ветром.

– Я... в раю?

– Как бы тебе сказать, Вася... Не совсем.

На границе сферы замерли двое Проводников. Даже пребывая на самом краю моего поля зрения, они неприятно режут глаза своим свечением. Регламент предписывает им не заходить в сферу без крайней необходимости. Проводники напряжённо следят за моими действиями, готовясь отразить атаку, как только она начнётся. Я им не нравлюсь.

Клиент, наконец, закончил изучать собственный облик и вперился взглядом в меня. Белки его глаз желтушны. Пара сосудов на склерах лопнула, растекаясь розовыми облачками.

– Ты... кто? Ангел?

– Я – твоя совесть, Вася.

Свет, пронизывающий атмосферу, тускнеет. Трава приобретает пепельный оттенок. Я придвигаю к Василию высокое, выше человеческого роста, зеркало. Зеркало совершенно обычное и отражает то, что перед ним находится. Но человек почему-то пялится на собственное отражение, как на откровение свыше.

– Там... что? – тычет он в стекло трясущимся пальцем.

– Там – ты. Это зеркало, Вася.

– Не-е-е... Не я! Там – не я. Вот же я!..

Перед нашим общим взором пролетает мимолётный образ. Узкое худое лицо парня лет восемнадцати. Забавный нос с широким закруглённым концом. Выступающие скулы. Впалые щёки в веснушках. Каштановые волосы слегка кучерявятся и торчат в стороны неприглаженными вихрами.

– Нет, Вася. Таким ты был двадцать лет назад. А теперь ты – вот.

Я плавно указываю на отражение. Картинка в зеркале меняется.

... Заснеженное пространство. Сугроб в проулке между двумя глухими заборами. В сугроб впечатана тёмная скорченная фигура. Тело лежит лицом вниз. Оно выглядит уже застывшим. Картинка наезжает на зрителя. Становятся различимы детали. Чёрная заскорузлая пятка на фоне белого снега. Дыра на штанах – сбоку, выше колена. Что-то липкое, бурое склеило волосы на макушке.

– Нет, – шепчет клиент. Его рука машинально тянется к темени, чтобы ощупать оставшуюся там корку. – Кто меня? Кто меня так?!

– Какая разница? Ну, если угодно, твой последний собутыльник. Вы с ним там же и познакомились, где сели потом пить. Только умер ты не от этого. Травма лёгкая: так, только кожа лопнула. Ты даже боли не почувствовал. Ты просто уснул в снегу. И там же замёрз. Славная кончина.

– Протестую! – дёрнулся один из Проводников. – Последняя фраза носит оскорбительный характер! Это попытка оказать психологическое давление на человека.

– Протест принят, – пожимаю я плечами. – Я изменю формулировку. Бес-славная кончина. Это не психологическое давление. Это констатация факта.

– А что ж я там... – бормочет Василий. – Что ж я там – так и лежу до сих пор?

– Ну, прошло всего два часа с момента смерти. Светает у вас сейчас поздно... Место глухое... Полагаю, тело пролежит ещё не меньше суток, прежде чем кто-нибудь его найдёт. Искать тебя некому...

– Как некому?... Как – некому?! А Верка?! Что ж она, сука ебучая... Уй!..

Василий в ужасе прихлопывает собственный рот ладонью. За последние пятнадцать лет бранные слова столь часто вылетали из его уст, что стали как бы основным языком для выражения мыслей. И эмоций. Они и сейчас сорвались по старой привычке, автоматически, в неразрывной ассоциативной связи со словом «Верка». И только теперь его уму, не скованному более протравленным алкоголем мозгом, открылся их подлинный смысл. А дух, освобождённый от оков плоти, содрогнулся от стыда.

– Где Вера? – спрашивает он изменившимся голосом. – Что с ней?

– Забыл, Василий? Не живёт с тобою Вера Сергеевна. Уже шесть лет, как не живёт.

– Где... где она? Она ж живая должна быть!

– Да живая, живая. В деревню уехала, к тётке. Опостылела ей такая семейная жизнь, какая у вас получалась.

Новая картина в зеркале. Усталое лицо женщины неопределённого возраста. Волосы гладко зачёсаны назад и стянуты где-то на затылке. Причёска подчёркивает нездоровую

полноту: в юности она такой не была. Выцветшее платье, когда-то бывшее синим. Выцветший взгляд глаз, когда-то бывших голубыми.

Напротив, у стола, стоит, пошатываясь, фигура, в которой уже вполне можно признать нынешнего Василия. Его сильно ведёт в стороны; чтобы не упасть, он цепляется за столешницу. Язык тоже слушается с трудом: каждое слово даётся ему с усилием.

– Верка... сука ебучая!.. Куда опять намылилась, блядь?..

Клиент перед зеркалом проявляет признаки беспокойства. Небосвод над его головой темнеет. Вместо травы под ногами простирается голая сухая земля, усыпанная камнями. Мой облик тоже претерпевает метаморфозы: уши заостряются и вытягиваются, над волосами на темени проклёвываются рожки.

– Я не хотел! – оправдывается Василий. Он вполне искренен. На Том Свете люди врут редко. – Я не хотел... Я ж люблю её! А она, блядь... (Вздрагивает в новом приступе стыда) А она... Я люблю её!.. Любил...

В зеркале – смена кадра. Рядом, лицом к лицу, двое: высокий худощавый паренёк (щёки в веснушках, каштановые волосы слегка кучерявятся) и его ровесница, хрупкая девушка с косой до попы. Парень что-то горячо твердит, глядя ей в глаза. Плохо слышно, добавим звук.

– Верк... Давай поженимся!.. Я всё, я завяжу, честно. Ты же знаешь, я могу вообще не пить. Это так мы просто, с пацанами, от нечего делать бухаем. А если поженимся – я же капли в рот не возьму!..

– Я не знаю, Вась...

– Верк, я без тебя жить не могу! – Василий внезапно бухается на колени. – Люблю я тебя, люблю! Одну только тебя, понимаешь? Я слово даю: завяжу. Чем хочешь поклянусь! Хочешь, матерью поклянусь? Хочешь? Жизнью своей клянусь. Чтоб я сдох, Верк!..

– Не надо, Вась...

– Верк, я клянусь: капли в рот не возьму! Давай поженимся...

– Ты честно продержался целых полгода после свадьбы, – комментирую я.

И бросаю уже в сторону Проводников:

– Отметьте. Клялся матерью и жизнью. Клятву нарушил.

Моё лицо продолжает меняться. Рот растягивается до ушей, превращаясь в зловонную пасть. Глаза выкатываются из орбит, становясь похожими на пылающие угли. Рога идут в рост и закручиваются назад. Из-под края одежд вместо ног виднеются копыта.

Василий бросает взгляд в мою сторону и замирает в ужасе.

– Бес! – выдыхает он.

А потом пронзительно верещит:

– Бе-е-е-ес!!!

– Угадал, – произношу я зловеще, низким утробным булькающим голосом. – Ты хорошо знаком с бесами, правда? Ты уже видел нас раньше, при жизни?

Из зеркала вылетает стайка мелких чёрных теней. Они живописно располагаются вокруг человека. У каждой тени обнаруживается пара красных горящих глазок. Тени начинают хаотично скакать, мельтешить. Василий затравленно озирается, он выглядит совершенно обезумевшим от ужаса.

А между тем, все эти жутковатые существа – всего лишь обман зрения. Как и те галлюцинации, которые несколько раз посещали его во время «белой горячки». Всё вполне объяснимо с естественнонаучных позиций.

– Протестую! – вступает в сферу один из Проводников. Сияние его лица мешает мне разглядеть черты. Не пойму: новенький – или мы уже сталкивались?

– Василий не видел настоящих бесов даже в периоды алкогольного делирия, – продолжает ангел. – Он испытывал истинные зрительные галлюцинации.

– Протест принят, – соглашаюсь я. – Истинные галлюцинации. И истинный страх. Настоящий животный ужас. Такой ужас испытывает скотина, которую привели на бойню...

Одна из моих задач – максимально деморализовать клиента. Подавить любое психологическое сопротивление. Игра на негативных эмоциях бывает здесь чрезвычайно эффективна. Особенно если у клиента есть яркий опыт, который можно воскресить в памяти. Его эпизоды с «белой горячкой» оказались мне весьма на руку.

– Что же вы! – Василий умоляюще тянет руки к Проводникам. – Пожалуйста! Сделайте что-нибудь! Ради Бога, ради господина нашего Иисуса Христа!..

Лёгкий удар тока промеж лопаток. Мне. От последнего прозвучавшего имени. Я получаю их иной раз по несколько сотен за смену, большей или меньшей силы, но каждый раз ощущения не из приятных. Издержки работы, ничего не поделаешь. После смерти почти все становятся на редкость набожными. Если бы они так же искренне зывали к богу при жизни, то, умерев, миновали бы всё наше Воздушное Царство транзитом, без остановок, как праведники. Я несколько раз наблюдала такое вознесение. Обычная рабочая процедура. Всем меньше забот. Я не отношу себя к трудоголикам. Есть дело – делаю, нет – отдыхаю. Оклад всё равно один и тот же.

Проводники готовятся предпринять ответный ход. Они уже оба залезли в мою сферу. Становится немного светлее. Мои милые танцующие фантомчики рассеиваются, как утренний туман. Более активный из ангелов – тот, который всё время протестует, – ведёт рукой.

Мы видим – как бы сверху – остов полуразрушенного дома. Сохранившиеся брёвна черны, обуглены: наверно, когда-то здесь был пожар. Парнишка лет шести с любопытством подбирается к дверному проёму. Внутри есть какое-то движение. Ему не разрешают здесь играть. И теперь, вырвавшись из-под присмотра взрослых, он неудержимо лезет к запретному.

Вслед за мальчиком мы проникаем внутрь. Свет падает неровными пятнами сквозь дыры между брусками. На поперечной балке, на уровне человеческого роста, закреплена верёвка. На конце верёвки петля. Петля затянута на шее крупной серой кошки. Несчастное животное беззвучно дёргается, отчаянно пытаясь высвободиться. Оно извивается, насколько позволяет гибкий кошачий хребет. Оно пытается содрать верёвку мощными задними лапами. Но от всех движений петля лишь туже затягивается.

Мальчишку начинает бить дрожь. Он стремглав бросается к животному, пытается освободить, расслабить узел, которым завязана петля. Узел слишком тугой, пальцам не хватает силы. К тому же, кошка висит слишком высоко, приходится тянуться, чуть ли не на цыпочках. Больше всего Вася боится, что не успеет, и кошка умрёт. Кошка продолжает дёргаться.

Василия – взрослого, наблюдающего вместе с нами сцену из своего детства, – начинает бить дрожь. Его глаза уже блестят слезами. Он протягивает руки к изображению, делает шаг... и проходит насквозь. Втянув голову в плечи, кусая губы, возвращается к своим ангелам.

Мальчишка, всхлипывая, дёргает узел. Внезапно сбоку, из тёмной полосы, выходят двое пацанов постарше, лет двенадцати – тринадцати. Вася вздрагивает, выпускает из рук верёвку. Кошка бьётся в судорогах. Вася взирает на подростков с тем же ужасом, с каким несколько минут назад смотрел на мою бесовскую личину. Старшие подступают к нему, отесняя от кошки. Вася пятится.

– Не бойся, мальчик, – спокойно обращается к нему один из подростков. – Мы тебе ничего не сделаем. Эта кошка поцарапала нашего друга и теперь должна умереть. Уходи отсюда.

Вася пятится. Беззвучно шевелит губами. Ему отчаянно жаль кошку. И отчаянно страшно: кажется, что если он попытается вступить, то разделит её участь. Взрослые мальчишки представляются ему демонами, бездушными монстрами. Он резко разворачивается и бросается наутёк. Не видеть, не думать, забыть... Как будто ничего и не было вовсе...

Изображение исчезает. Мы все четверо какое-то время тупо пялимся на кусок пространства, где только что разворачивались события. Сейчас там не видно ничего, кроме сухой серой пыли с россыпью булыжников.

– Он сострадал, – резюмирует Проводник. – И сейчас сострадает. Так же сильно. Он способен сострадать.

Да, сострадание – дар, тем более ценный, что в наше время встречается всё реже. Я собираюсь с мыслями.

– Жалко... кошку, – всхлипывает Василий-взрослый. У нас здесь слёз, как правило, не стесняются.

Мне тоже жалко кошку. (Кстати, надо запомнить тех двоих, что её вешали. Возможно, они скоро попадут ко мне...). Я симпатизирую кошкам. И даже как-то провела выходные в кошачьем теле. Они грациозны, мудры, независимы. Они индивидуальны. У них есть собственное достоинство. Они мстят за оскорбления, как и мы.

– А ведь она могла бы жить, – тяну я задумчиво. – Если бы ты, Василий, не оказался таким трусом. Эти мальчишки ничего бы тебе не сделали. Ты мог её спасти. Хотя бы попытаться... Ты ведь до сих пор себе не простил, да?

Мой голос нежен и вкрадчив.

– Я уже покался!.. Я каялся!.. – стонет Василий. Взрослый мёртвый тридцативосьмилетний мужчина.

– Он каялся. Он прощён, – подтверждает второй из Проводников, до сих пор молчавший.

– Возможно, кто-то его и простил, – соглашаюсь я. – Возможно, даже Самый Главный. Если он разбирает дела по кошкам.

– Он – разбирает, – с вызовом бросает мой оппонент.

– А вот сам Василий... Боюсь, что нет. Он так и не смог себя простить, – доканчиваю я.

Проводники молчат. Потому что я права. В работе я стараюсь оперировать достоверными данными.

– Занесите в протокол: маловерие, – небрежно бросаю я ангелам.

На самом деле Василий – «лёгкий» клиент. И далеко не всегда получается так красиво лажать конкурентов. Им сейчас туго, их можно понять: из скудной горстки разрозненных фактов нужно выстроить целую систему защиты, способную перевесить гору страстей и пороков. К тому же, оба ангелочка весьма молоды. Наверное, новобранцы, совсем недавно в «полях». Почему у них в Отделе Сопровождения вечно одна молодёжь? Куда деваются заслуженные кадры? Отчего такая текучка? Всё время хочу спросить, да знаю: бесполезно, не скажут. Им запрещено с нами общаться на посторонние темы. Только по делу. А зря...

Тот из них, что понапористее, весьма мил. У меня всё-таки получилось разглядеть его: пришлось прищуриться и смотреть боковым зрением. Впрочем, они все сильно похожи друг на друга: благородный овал лица, правильные черты, тонкий нос, большие глаза, золотые локоны, резкий слепящий свет. Наверное, как-то так должен выглядеть и архистратиг Михаил... Только он будет повыше, пошире в плечах и несравненно ярче.

Таким он представал в моих фантазиях: величественный, ослепительный, в блистающей серебряной кольчуге, с огненным копьём в деснице. Справедливый и мудрый. Непобедимый. Невообразимо могущественный. Безупречный страж Закона. Когда-то я мечтала, что однажды он спасёт меня от одного из своих разбушевавшихся вояк. Когда не в

меру ретивый служака из ангельского воинства замахнётся на меня мечом, с криком: «Проваливай в свой ад, дьявольское отродье!» Когда я отчаянно вскину руки, в безнадежной попытке защититься от разящего лезвия. Тогда внезапно в сиянии явится он, Михаил. «Остановись! – прикажет он солдафону. – Она просто выполняет свой долг! Она соблюдает Закон!» Потом он повернется ко мне и скажет: «Приношу свои извинения, сударыня. Мои подчинённые допустили ошибку. У нас нет – и не может быть! – претензий к Вам. Разрешите проводить Вас, дабы хоть частично загладить нашу вину...». Я, конечно, не стану возражать. И тогда он узнает, что среди демонов тоже порой встречаются весьма интересные персоны...

Но все прекрасно знают, что архистратиг Михаил – это миф. Сказка. СобираТЕЛЬный образ, чтобы пугать молодых демонов: дескать, накосорезишь – придёт Михаил и поразит тебя своим огненным копьем. Процесс взросления неизбежно связан с утратой веры в подобных персонажей.

– ...Он сделал всё, что мог, – вступается первый Проводник, тот самый, что напомнил мне архистратига. – При любых его действиях вероятность гибели животного составляла не менее девяноста пяти процентов. Для биологических систем этот показатель идентичен достоверности события. Кошку нельзя было спасти. Дети, убивающие животное, превосходили его численно и физически. Он не мог им противостоять.

– Ты слышал, Василий? – обращаюсь я к клиенту, по-прежнему мягко, почти нежно. – Пять шансов! Целых пять шансов из ста, что кошка могла бы жить! И тогда тебе не пришлось бы потом ещё месяца три наблюдать через щель между брёвнами, как медленно разлагается кошачий труп на верёвке...

– Протестую! – восклицает ангел.

– А что, собственно, не так? – разворачиваюсь я к нему. – Сто минус девяносто пять равняется пяти, не так ли?

Взгляд Василия обращён внутрь. Где-то там, внутри, болтается в сумраке полусгнивший кошачий труп с белёсыми фрагментами обнажившихся костей.

Проводники напряжены. Они разрабатывают контратаку.

Из небытия наплывает новый широкоформатный образ. Фасад питейного заведения. Пошарпанная вывеска «Три пятака». Светло, середина дня. Кажется, конец весны или начало лета. Дорогу развезло после ливня. На обочине в грязи валяется навзничь немолодой мужчина. Его можно было бы назвать прилично одетым, если бы вся одежда не была измазана в грязи. Мимо проходят люди – мужчины, женщины, дети. Кто-то бормочет: «Надо же, уже нажрался...»

Дверь трактира открывается, и на крыльцо вываливается наш Василий. Он привычно нетрезв. Если верить досье, ему тридцать три года. Вчера весь православный люд праздновал Троицу, а Василий, как всегда, продолжает праздновать и поныне.

Изрядно шатаясь, Василий начинает путь в сторону дома. Притормаживает возле лежащего на земле человека. Мужчина вяло пытается пошевелиться, тихо мычит. Василий опускается рядом на корточки. Тормошит за плечо:

– Эй... братушка! Ты чего здесь?

Мужчина испускает слабый стон. Пытается приоткрыть набрякшие веки. От него пахнет спиртным.

– Ну ты чего, братан! – Василий продолжает тормошить. – Не дело это... Давай, вставай... Ты где живёшь?

Человек снова то ли мычит, то ли стонет. Несколько минут Василий упорно трясёт его за плечи. Потом, убедившись в тщетности попыток, принимается толкать под спину, стараясь перевести в сидячее положение. Мужчина, кажется, пребывает в полубессознательном состоянии. Проходящий мимо народ косится на них неодобрительно.

– Не гоже это – на земле лежать... Домой пошли, домой... Там спать ляжешь... – приговаривает Василий.

Мужчина крупнее его по комплекции, к тому же абсолютно не владеет собственным телом. Не удержав равновесия, Василий садится рядом с ним в грязь. Некоторое время глядит в землю. Затем встаёт на колени. Закидывает руку человека себе на шею, обхватывает его за спину и бок, подпирает собственным плечом, пытается встать. Каким-то чудом ему это удаётся.

Василий с трудом ковыляет по улице, волоча на себе незнакомца. К счастью, живёт он неподалёку.

– Фёдор Степанович Прохоров, – комментирует первый Проводник. – Сорок семь лет. Наш испытуемый до этой встречи с ним знаком не был. Федор Степанович действительно выпил, но вовсе не так уж много, чтобы потерять сознание. У него произошёл инфаркт миокарда. Все окружающие сочли его просто пьяным. Если бы Василий прошёл мимо, оставив его лежать на земле, Фёдор Степанович, скорее всего, умер бы.

– Вероятность: девяносто восемь процентов, – добавляет второй Проводник, с ехидцей косясь в мою сторону. – Так что кошку можно считать отработанной.

...Василий взбирается на собственное крыльцо. Федор Степанович висит на нём кулём. Дверь открывается. В проёме появляется сухонькая сгорбленная старушка.

– Ой, Вася, да кого ж ты притащил! – всплёскивает она руками. – Где ты его взял? Пусть домой идёт! Мало мне тебя, такого...

– Мама, давай, пусть он поспит... Ему поспать надо... Тогда домой отведём.

Василий заваливается со своей ношей в дом.

...Да, мощный аргумент. Хорошо сработано. Профессионально. Один из Проводников при жизни нашего испытуемого был его хранителем и теперь наверняка ощущает прилив гордости за своего подопечного.

Нужно искать зацепки.

Меж тем, Василий заморожено следит за продолжающейся сценкой, которую все позабыли убрать. Внутри дома старушка суетится вокруг Фёдора Степановича, всё ещё пребывающего в отключке.

– Вот ведь, ещё собутыльников таскать удумал, – беззлобно ворчит она. – Да и человек-то с виду солидный, как его угораздило... Куды ж его теперь девать-то...

Лицо Василия-нынешнего расплывается в неожиданно нежной улыбке.

– Мама, – шепчет он. – Матушка... Что с ней?

Да, кстати. Матушка.

– Твоя мама умерла четыре года назад, – сообщаю я бесстрастно. – А хочешь знать, как это было?

Вопрос чисто риторический. Даже если он не хочет, ему придётся ознакомиться с фактами.

Смена кадра. Та же самая комната, где не так давно происходило чудесное спасение господина Прохорова. Голубоватые сумерки зимнего вечера. На полу у стены валяется бесчувственное тело нашего главного героя. То есть, Василия. Валяется в какой-то луже – кажется, в луже собственной мочи. У противоположной стены, на кровати, кто-то слабо ворочается. Шорох ткани, поскрипывание досок.

Участок комнаты с кроватью приближается, захватывая всё поле зрения. На постели, среди тряпья, скорчилась на боку, в позе зародыша, мать Василия. Она ещё больше похудела, щёки запали, глаза ввалились. Абсолютно белые реденькие волосы растрёпаны. У неё начинается приступ кашля. Сначала тихий и как будто несерьёзный, он постепенно

набирает силу и становится всё более резким. Старушка с трудом садится, цепляясь за спинку кровати.

– Болею третью неделю, – сообщаю я. – Началось с бронхита, теперь перешло в двустороннюю пневмонию. Возможно, своевременный надлежащий уход и медицинская помощь помогли бы ей выкарабкаться. Но единственный сын третью неделю пребывает в беспробудном запое...

Старушка бессильно откидывается на спину. Глаза её закрыты. Дыхание тяжёлое, хриплое, прерывистое.

Какое-то время ничего не происходит. В комнате сгущается темнота. В своём углу шумно сопит мертвецки пьяный Василий.

Фокус нашего зрения перемещается к ногам больной. Они слегка подёргиваются – слишком мелко и ритмично, чтобы движение можно было счесть произвольным. Это клонические судороги: начало агонии.

– Агония продлится ещё пять часов, – продолжаю я рассказ. – Она скончалась в начале десятого часа вечера. Василий обнаружил её труп через сутки, когда всё-таки протрезвел. До сего момента он не знал, когда точно она умерла. Денег на похороны у него не было. Соседи скинулись... На поминках Василий, как обычно, напился. И отправился в новый запой, теперь уже на месяц...

– Мама, – шепчет клиент рядом с нами. – Мама?.. Мама!!!...

Застывший во времени крик. Застывший взгляд. Застывшая гримаса отчаяния на лице. Застывшая в зеркале картинка, отображающая начало процесса умирания пожилой женщины.

Это надолго: как минимум, на полчаса. Можно оправиться и покурить, так сказать.

...Они все после смерти проходят самым первым наш отдел. Так что, хоть мы и специализируемся официально на грехе чревоугодия («обжорство и пьянство», как зовём мы это между собой), но практически по ходу раскрутки клиента всегда выплывают зацепки и по другим страстям. Так что мы, в каком-то роде, приёмный покой Воздушного Департамента. Точнее, приёмный бес-покой. (Хороший каламбурчик? Сама придумала!)

Вот, например, Василий. Следующим этапом он отправится в Отдел Блуда и Прелюбодеяний («Отдел Похоти» – на нашем внутреннем жаргоне). Но вряд ли задержится там надолго: последние приступы плотских вожделений волновали его на заре туманной юности, ещё до более основательного знакомства с алкоголем. Дальше – Отдел Гнева. Там, наверное, будет с чем поработать. Недаром же его треснули бутылкой по голове перед смертью... Да и «Верка – сука ебучая» тоже представляется весьма перспективной жилой. Затем, по порядку, его ждут отделы: Алчности, Зависти, Уныния, Гордыни. По поводу алчности с завистью ничего не могу сказать: пусть сами ищут материал. А вот где теперь он точно застрянет основательно, так это в Унынии.

Делаю поверхностное сканирование души Василия. Степень охвата отчаянием: шестьдесят три процента. И цифры продолжают расти. Это хорошо. Чем больше страстей нам удаётся раскопать, тем больше качественного топлива получит наш энергетический комплекс. А энергетика – наше всё!

Отдел Уныния, вообще, мне по жизни должен. В который раз я выполняю добрую половину их работы! (Или злую?... Ещё один каламбур). Клиенты к ним от меня приходят уже в состоянии полуфабрикатов. Остаётся только лавры пожинать. А они – хоть бы какой шоколадкой отдарились, чисто ради приличия! Нет, делают вид, будто так и должно быть... Ну не могу же я начать халтурить только из-за того, что отдельные коллеги не способны на элементарную благодарность? Демоны, одно слово...

Мои конкуренты – Проводники – напряглись. Совещаются. Сейчас они попытаются выбить Василия из эмоционального коллапса, в который я его мягко направила. Как профессионал я им в чем-то сочувствую (если понятие сочувствия вообще применимо к

демонам): борьба с коллапсом – дело тяжкое, муторное. Но если у них и возникли проблемы, то никак нельзя винить в этом меня. Я просто делаю свою работу. Я – мытарь.

Все страсти, которыми так охотно пользуются люди, по Закону принадлежат нам. И если человек при жизни успел попользоваться нашей собственностью, пусть не обижается, если по окончании жизненного срока его попросят заплатить за эксплуатацию. Таковы правила.

...Низкий органнй аккорд сотрясает воздух. Ого! Это шеф. Каждый раз от его звонка делается не по себе: хочется вскочить и вытянуться во фрунт. И ведь знаю, вроде бы, что ругать меня не за что, зихеров в последние дни за мной как будто не водилось; а всё равно тревожно.

- Нат, чем занимаешься? – звучит его обманчиво спокойный хрипловатый голос.
- Работаю с клиентом, господин Бахамут.
- Можешь сейчас оторваться?
- Да, господин Бахамут. Клиент в коллапсе, развиснется не скоро.
- Вот и ладно. Давай, зайди ко мне.
- Уже иду, господин Бахамут.

...Кабинет шефа нынче расположился в грозовой туче. Густой туман до предела налит статическим электричеством. От статики у меня возникает неприятное ощущение, будто по всему телу бегают мурашки. А шеф, похоже, напротив – наслаждается. В гигантском камине каждые тридцать секунд вспыхивает декоративная бесшумная молния.

Бахамут вальяжно развалился в клубах тумана. Будь он человеком, то производил бы впечатление добродушного стареющего толстяка. Но он не человек. Как и я.

- Заходи, Натанаэль. Располагайся.

Я осторожно присаживаюсь на какой-то выступ, подальше от камина. Если уж статика на меня так дурно влияет, то чего ждать от полновесного разряда.

- Как успехи? Как настроение? – невинно интересуется начальник отдела.

– За сегодня принимаю пятнадцатого. Четверо висят, остальные оформлены и переправлены на следующий этап.

Я никак не пойму, куда он клонит. Зачем я ему понадобилась? А-а, может быть, это насчёт вчерашнего парнишки, у которого оказался прихват наверху? Я тогда и рта раскрыть не успела, как его выдернули у меня из-под носа. За него, видите ли, походатайствовал какой-то продвинутый чувак с Неба!.. Но Проводники при этом предоставили все необходимые документы, с надлежащими печатями и подписями. Я и не могла ничего сделать в такой ситуации, у меня нет полномочий. И Бахамут должен быть в курсе...

– Если Вы насчёт вчерашнего клиента, которого провели транзитом... – осторожно начинаю я.

– Я в курсе, – небрежно отмахивается Бахамут. – С этим всё в порядке. Речь сейчас о другом.

...Ну вот. Снова приходится ломать голову, за что я сейчас получу разнос. Или просто нагрузят новой работой? Сверхурочно, но за ту же зарплату?

– Мы подвели итоги работы за истекший квартал, – неспешно начинает шеф. Ага, наконец-то, к делу! – Их мы подробнее обсудим завтра на общем собрании. И положительные были моменты, и недочёты... Кое-кому явно не хватает дисциплины... Наш отдел всегда был на особом счету в Департаменте Воздушных Мытарств. Мы первыми встречаем отлетевшую с земли человеческую душу. Мы, так сказать, формируем у клиента впечатление обо всей нашей организации. И поэтому на нас лежит особая, почётная ответственность... Конечно, она налагает и особые требования на сотрудников...

Старик, кажется, уже ощутил себя ведущим предстоящее собрание. Да, всё-таки возраст накладывает отпечаток даже на демонов... Или он просто играет роль?

– Ну, ладно, это всё завтра, – оборвал он сам себя. – А тебя я вызвал вот зачем. По итогам квартала твои показатели оказались самыми лучшими на весь отдел.

– Ух ты! – непроизвольно вырывается у меня. Вот это, действительно, неожиданность. Я, конечно, знала, что я неплохой работник, но чтоб настолько!..

– Да, принимай поздравления.

– Здорово, я даже не ожидала. Благодарю, господин Бахамут.

– Мы с руководством посоветовались и решили предоставить тебе отпуск. В полном объеме. Ты когда ещё заявление на отпуск писала...

«Когда-когда. Сто лет назад, вот когда». Подумала я. Но вслух промолчала.

– Да, – продолжает шеф. Может, он и прочитал мои мысли, но из вежливости не подал виду. – Кто хорошо работает, тот должен и отдыхать соответственно. Чтобы в дальнейшем продолжать хорошо работать. Поэтому, в качестве поощрения, мы дарим тебе возможность провести отпуск на земле в человеческом теле. В настоящем живом человеческом теле. Есть несколько вариантов, ты сможешь выбрать любой из них. Все документы уже оформлены, Главный утвердил. Ну, как? Довольна?

От навалившегося внезапно счастья у меня аж в зобу дыхание спёрло. Одно дело – просто выслушать благодарность от начальства. Её в карман не положишь. И совсем другое – настоящий отпуск! Да ещё в настоящем живом человеке! С тёплой кровью, с гладкой кожей, с гибкими суставами. Не какой-нибудь там полусгнивший зомби!

Бахамут вполне уловил мой эмоциональный всплеск. Он ухмыльнулся, как сытый кот. Чем хорошо общение с себе подобными: не обязательно выражать мысли словами, хотя официальная обстановка по этикету требует и вербальной формулировки.

– Господин Бахамут, у меня не хватает слов, чтобы выразить свою признательность. Вы делаете мне шикарный подарок.

– Вот видишь, для нас нет ничего невозможного, – самодовольно замечает шеф. – Было бы за что поощрять. А то всё больше наказывать приходится. Ну, ладно. Посмотрим кандидатов.

Бахамут накрывает меня своей сферой восприятия. Я и не пытаюсь противиться, он делает это в моих же интересах; но чувствую, что если бы вдруг попыталась, то у меня ничего бы не вышло. Как оса в варенье: сколько ни дёргайся – только увязнешь ещё сильнее. Ещё бы: у меня-то одиннадцатый ранг, а у него – четвёртый!

В нашем общем поле зрения начинают появляться персонажи, призванные одолжить мне свою телесную оболочку на ближайший год, по их, земному, времени. Все фигуры цветные, объёмные, в натуральную величину.

Кандидат номер один. Мужчина. Двадцать пять лет. Место жительства: западная Европа. Род занятий: военнослужащий. Круг интересов: карьера, секс, азартные игры. Материальная обеспеченность: четыре по десятибалльной шкале.

Неплохо. Но... посмотрим, что дальше.

Номер два. Женщина. Тридцать восемь лет. Средняя Азия. Жена высокопоставленного вельможи. Интересы: власть. Огромная власть. Безграничная власть. И... вкусно покушать. Фу-у-у! Чревоугодников мне хватает на работе. А прожить в таком существе весь отпуск!.. Меня охватывает чувство брезгливости.

Что там дальше? Мужчина. Тридцать шесть лет. Западная Европа. Род занятий: служитель культа. Интересы: поиск философского камня и эротические фантазии, связанные с молоденькими девушками. Камень так до сих пор и не нашел, ни с одной из девушек так до сих пор и не переспал. Тьфу, извращенец и неудачник. К тому же, лысый какой-то...

Не хочу. Дальше!

Женщина. Семнадцать лет. Точнее будет сказать, девушка... Западная Европа. (Что-то почти все кандидаты идут из этого региона... Не иначе, как там сейчас начинается какая-нибудь эпоха научного подъёма и культурного возрождения. Везде, где начинают активнее шевелиться наука и культура, количество страстей увеличивается в разы. Взять, например,

расцвет Римской империи. Могучая держава, толпы обжор... Иной раз даже приходилось вкалывать сверхурочно... Потом Небеса провели успешную PR-кампанию своему ставленнику, наше ведомство подтёрло сопли и затянуло пояса, а Рим, немножко поагонизировав, развалился к чёртовой матери. Да, окидывая взором с нынешних позиций всю эту движуху, невольно понимаешь, что конкуренты раскрутили очень мощный бренд под названием «христианство». И лишь умелая смена стратегии и тактики позиционирования, планомерно реализуемая не одно столетие, спасла нашу контору от полного банкротства. Конкуренты, к слову сказать, не ждали, что мы так быстро выкарабкаемся. А сейчас мы на подъёме... Вот, скажем, проект «Инквизиция»... Впрочем, не стоит забивать голову работой перед отпуском!).

...Так что там с девицей? Живёт на иждивении у родителей. Неплохо, работать не надо. Круг интересов: чтение, рисование. Звучит, как расписание уроков в первом классе. А вот внешность примечательная. Изящная хрупкая блондинка с ангельски-благородным личиком. Ну-ка, а как у нас с чревоугодием? По нулям! Что за прелесть!

Если можно, поподробнее, пожалуйста.

Социальный статус: дворянство. Материальное обеспечение: пять из десяти баллов. Не очень, конечно, но дело поправимое. Тем более, при такой внешности. Физическое здоровье: семь баллов по десятибалльной шкале. В семье единственный ребёнок. Проживает с родителями. Особенности психики: интровертированность, впечатлительность, сенситивность, предрасположенность к астено-невротическим реакциям. Ворота вхождения греха: праздная мечтательность.

Мне нравится. Запомним и отложим в сторону. На всякий случай, просмотрим оставшихся кандидатов.

Мужчина. Пятьдесят три года. Северный Китай. Государственный чиновник. Интересы: философия, путь Дао. Женат, пятеро детей...

Я просмотрела ещё с полдюжины вариантов. Экзотика, вроде австралийского аборигена-пигмея или эвенкийского шамана, была отброшена сразу: хотелось нормальной человеческой жизни. Ещё трое вызвали у меня неприязнь как безнадёжные приверженцы чревоугодия. Из оставшихся самыми симпатичными представлялись трое: молодой вояка под номером один, мечтательная дева и северо-китайский философ. Философ обременён многочисленным семейством. Вояку в любой момент могут послать в какую-нибудь смертоубийственную заварушку.

Я выбираю девицу. Марию де Мюссе. Её положение в человеческом сообществе наиболее согласуется с моими представлениями о беззаботной отпускной жизни. Так сказать, курорт с трёхзвёздочным отелем. All included. (На пять звёзд из них всё равно не тянул никто...)

– Хороший выбор, – слышу голос шефа. Он убирает сферу так же резко, как перед этим её развернул. Мы снова в туче. От статики зудит спина.

– Когда я могу выйти в отпуск?

– Да хоть послезавтра, если успеешь сдать все дела. Но помни: завтра с утра общее собрание. Явка строго обязательна.

– Да, господин Бахамут.

– Теперь о теле, – шеф делается очень серьёзным. – Помни: ты несёшь за него материальную ответственность. Это не наша собственность, мы его арендуем. Если с ним что-то случится, неприятности возникнут у всех. Это не скелет, не труп, даже не животное. Это гораздо более тонкая и сложная система. Так что изучи инструкцию по эксплуатации от корки до корки. Лучше всего, выучи наизусть. И Договор на временное пользование – тоже. Особое внимание обрати на следующий пункт: «Пользователь обязан по истечении срока пользования вернуть тело без необратимых физических и психических повреждений. В

противном случае он несёт административную ответственность согласно действующему Кодексу...». Этот момент ясен?

– Да, господин Бахамут. Нужно вернуть тело без необратимых повреждений.

– Вот именно!

Шеф придвигает ко мне толстую кипу бумаг.

– Здесь досье на Марию де Мюссе, инструкция по эксплуатации и Договор в двух экземплярах. Один экземпляр в подписанном виде завтра вернёшь мне. Забирай. Изучай. Думай.

Я беру бумаги.

Бахамут выкладывает передо мной сероватый запечатанный конверт. Ни адресов, ни подписи. Лишь тонкая полоска текста у верхнего края: «Мария де Мюссе».

– Коды доступа, – сообщает Бахамут. – Выучи наизусть и уничтожь бумагу. Это секретная информация.

– Понятно.

– Вопросы есть?

– Пока нет.

– Ну, тогда не стану больше задерживать. Дел у тебя полно. Ступай...

С чувством облегчения покидаю тучу. Долго чешусь спиной о порывы северного ветра. Много ли нужно для счастья? Всего лишь как следует почесаться. И получить отпуск в человеческом теле.

Возвращаюсь на рабочее место.

Василий пребывает всё в том же состоянии, лишь степень охвата отчаянием доросла уже до семидесяти девяти процентов. Проводники мрачны. Похоже, они уже предприняли несколько попыток переключить его внимание, но всё оказалось безрезультатно. Что ж, это закономерно. Время собирать камни...

...Звон хрустальных колокольчиков в воздухе. Голос Зараэля:

– Нат, где тебя носит?

– Я на месте. Была у шефа.

– Ну и как? Отымели? В извращённой форме?

– Отпуск подписали.

– Ни фиги себе! Ну, поздравляю. С тебя причитается.

– Знаю...

– Сегодня ещё работаешь?

– Да.

– Тогда готовься. Новый клиент.

Я держу сферу восприятия...»